

Валерий Мурох

Непридуманные ИСТОРИИ

*ИЗ ЖИЗНИ
Страны
Советов*

Валерий Иванович Мурах

Непридуманные истории

из жизни Страны Советов

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484086

*Непридуманные истории из жизни Страны Советов: У Никитских
ворот; Москва; 2017*

ISBN 978-5-00095-349-5

Аннотация

Валерий Иванович Мурах, доктор медицинских наук, профессор, член Московской организации Союза писателей России, автор широко известных научно-популярных книг: «Целебные кладовые природы», «Спасибо зверю, птице, рыбе», «Наш зеленый исцеляющий друг», «Целебные напитки», «Без права на ошибку в питании». В последние годы увидели свет написанные им художественные книги «В десять лет стал киллером», «В танце со смертью длиною в жизнь», «Репортаж Абвера с того света». Они никого не оставляют равнодушным, потому что выстраданы автором, который мальчишкой пережил трехлетнюю фашистскую оккупацию Беларуси. В 2016 году вышла книга о Сталине «Двуликий Янус». Надеемся, что его книга рассказов мемуарного характера о жизни людей ушедшей

эпохи – «Непридуманные истории из жизни Страны Советов» –
будет хорошо принята читателями.

Содержание

Предисловие. От автора	6
Слово о маме	7
Памятник матери-белоруске	31
Рассказы Аркадия Львовича Рябова	46
Рассказ первый. Как я выживал в военных условиях	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Валерий Мурох
Непридуманнные истории
из жизни Страны Советов

© Мурох В.И., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

Предисловие. От автора

Всему виною являются мои друзья – это они сумели меня убедить написать эти непридуманные и рассказанные мной им истории. Они взяты из нашего советского прошлого, из той самой жизни, в которой люди воспринимали мир по-своему, в отличие от всего остального человечества, для которого наша жизнь представлялась каким-то перевернутым и нереальным изображением действительности. В моей памяти остались люди тех времен, их мысли, чувства, поступки и окаменелая соль той эпохи. Попробуйте ее на вкус и вы, уважаемые читатели, сравните с теперешней жизнью.

Слово о маме

*Светлой памяти моей мамы, Любови Моисеевны
Саевич, посвящается*

Начало моей жизни для меня ассоциируется с образом мамы. И чем больше проходит времени с момента ее ухода в мир иной, тем более яркие воспоминания возникают в моей памяти, которая до мельчайших подробностей фиксирует фрагменты, связанные с ее обликом, которые, соединяясь в единое целое, дают представление о человеке, память о котором будет во мне жить до тех пор, пока я буду жить сам.

И невольно сами собой возникают эпизоды первых дней Великой Отечественной войны, так больно обжегшие детскую душу, свист падающих бомб, кромешная темнота под земелья и глухие разрывы, от которых содрогалась земля, и маленькие дети и женщины, сбившиеся в живой комочек, молили Господа: «Спаси», «Сохрани», «Помоги»...

Под грохот бомбежки мы с мамой покидали охваченный пожарами Минск. Мама несла меня на руках, крепко прижимая к груди, и шептала: «Господи, помоги».

С нами в многотысячной толпе шли на восток люди – женщины, старики, дети – все они в пешем строю уходили из города, охваченного пожарами. На улицах Минска было пустынно. Лишь отсветы от огненных факелов горящих домов падали на землю, да едкий дым обжигал глаза. Шел третий день с начала войны, а в городе к этому времени образовалось полное безвластие. В одно мгновение исчезли стражи порядка. Мы шли с мамой по пустынным улицам родного города, под нашими ногами хрустели стекла выбитых витрин магазинов, да сновали мелкими стайками хищники-мароде-

ры, которые, как трусливые шакалы, грузили уворованную добычу в приготовленные заранее тележки. Они грабили на виду у всех, спокойно и деловито взламывая магазины, государственные учреждения и только что покинутые жильцами дома. Казалось, что эти нелюди никогда не жили среди нас, а просто спустились с другой планеты. Среди общего людского горя, сплотившего всех в единое целое, их алчные глаза горели нечеловеческой ненавистью и жаждой наживы. Шедший рядом с нами пожилой мужчина усталым и глухим голосом выдохнул: «Ой, как же мы этих негодяев проглядели». «Видно, не тех врагов расстреливали», – вступил в разговор обросший седой бородой старик. «Тех или не тех – кто их знает. Думайте лучше о себе. Как жить-то дальше, что же будет с нами?» «Вот сбросить бы годков двадцать с себя, я знал бы, что делать, – вступил в разговор третий, – я, например, с германцем еще в 14-м годе встречался, мы ему таких навалили, а сейчас что? Неужто обмельчали и ослабели?»

К концу первого дня пути скрылся из глаз покинутый нами город, лишь только далекие зарницы пожара освещали вечерние сумерки. Наступила ночь. Измученные тяжелой дорогой, непривычные к таким путешествиям женщины, дети и старики, ставшие в одну минуту бездомными и обездоленными, падали от усталости на землю, не в силах дальше передвигать ноги. Только она, наша родная земля, могла о них позаботиться, предоставляя свой ночлег и покой. Земля дышала накопленным теплом и разнотравьем. Она при-

няла в свои объятия несчастных, укрыла их хоть на миг, дала новые силы, чтобы вынести в дальнейшем весь ужас войны, упавшей на их никем и ничем незащищенные головы.

Мы брели с мамой на восток, отмеривая версты кровавыми слезами, не зная о том, что уже на седьмой день войны наш родной Минск был захвачен фашистами.

Рассматривая сегодня те далекие события, я понимаю, что миллион незащищенных людей, так же как и мы с мамой, оказались в гигантской мышеловке, которая оставила незаживающие рубцы на сердце у всех тех, кого нет в живых, и тех, кто выжил.

Мы с мамой выжили, но давайте все по порядку. Дни и ночи пешком, на попутных машинах, крестьянских подводах мы двигались на восток. Мелькали поселки и города, а люди, жившие в них, отдавали нам последний кусок хлеба. Только простой народ всегда искренен и бескорыстен, как и наша земля, дарит от всего сердца убогому и нищему все, что имеет, ничего не прося взамен. Наше вынужденное мучительное путешествие окончилось под Чаусами. Мы попали под жесточайший артиллерийский обстрел, в течение трех дней и ночей с глазу на глаз встречались с немецкими десантниками. Сытые и довольные, они гнали толпы наших военнопленных, не обращая на нас никакого внимания. Дальше двигаться на восток не имело никакого смысла – кругом был враг, страшное слово «оккупация» опустилось на нашу землю.

Нелегким было наше возвращение назад, в родной город, занятый фашистами. За время скитаний мы потеряли человеческий облик настолько, что родители моей мамы нас не узнали и, приняв за нищих, одарили куском хлеба, а потом – слезами радости, так как за короткое время жизнь и смерть стали родными сестрами, и возвращение близких считалось чудом. Жизнь в оккупированном фашистами городе продолжалась долгих 1100 дней и ночей, на тысяча сто дней на наш светлый город Минск опустилась фашистская ночь и установился так называемый новый фашистский порядок. Закрывшись в своих домах, люди с ужасом наблюдали за массовыми казнями коммунистов и военнопленных. Город опустел и вымер.

Есть в Минске такая улица Шорная, мало кто из современных минчан ее знает, хотя она существует и сегодня. Для меня она – символ; счастье, что ее не переименовали, не называли как-то по-другому. Эта улица напоминает мне страшные события той жуткой ночи, когда сильные руки моей мамы подняли меня над забором, за которым гремели выстрелы и раздавались стоны умирающих людей. Мне запомнился плачущий голос мамы: «Убивают нашу Нину». Шорная улица в оккупированном фашистами городе, где проходило мое детство, была границей, за которой начиналась смерть. Это была граница между живыми и мертвыми. Мы с мамой были на том берегу возле забора, за которым начиналась смерть под названием «гетто».

...Вскоре мы с мамой переехали в другой район города Минска к ее родителям, моим бабушке и дедушке, так как в наш дом на Шорной попала бомба, и дома больше не стало.

Оккупированный фашистами город представлял нерадостную картину, состоящую из полуразрушенных зданий, битого стекла и мусора. В центре города общая картина разрушений была настолько внушительна, что сохранившиеся здания университета, Дома Красной армии, Дома правительства и Оперного театра смотрелись печально и убого на фоне полуразрушенных стен домов, которые раньше представляли красивые жилые кварталы, составляющие единый архитектурный ансамбль одного из красивейших городов Европы.

В дополнение ко всему город надолго оставался без света и воды. Толпы горожан разбирали полуобгоревшие дома, чтобы обогреть свои временные жилища, которые самовольно захватывались погорельцами.

Начиная с 1943 года, город подвергался усиленным бомбежкам советской авиации, которая практически превратила оставшуюся часть Минска в руины. Перед самым началом бегства фашистов из города зондер-команды поджигателей обрабатывали оставшиеся дома частного сектора огнеметами, что окончательно довершило полную картину разрушения города. К моменту освобождения Минска количество годных для жилья домов не превышало трех процентов.

Дом, в который мы с мамой переехали, был построен мо-

им дедушкой еще в царское время, до Октябрьской революции. Дедушка, отец моей мамы, из дворян, работал в то время землеустроителем, имел многодетную семью, состоящую из 12 детей, которым необходим был кров. Поэтому и возник построенный главой многодетной семьи большой деревянный дом, в котором для каждого ребенка предусматривалась трехкомнатная отдельная квартира. По-видимому, дедушка думал, что все его дети будут жить с родителями в одном доме. Однако судьба распорядилась иначе: Господь сохранил для жизни только семь девочек и не оставил на этой земле ни одного мальчика. Дедушка всю свою жизнь связал с Октябрьской революцией, поэтому воспитывать девочек пришлось моей бабушке, которая сумела в трудных условиях переходного периода поднять дочерей и воспитать их в большом уважении к труду, что помогло семье выстоять и не умереть с голоду.

Большим подспорьем служил фруктовый сад, который кормил семейство не только фруктами, но и хлебом, так как часть урожая продавалась на базаре и на вырученные деньги покупался хлеб. Как вспоминала мама, жили бедно, но и не побирались, а главное, никому не были должны. Основным девизом нашей семьи были честь и достоинство, что снижало уважение всех соседей. После прихода Советской власти в Беларусь с семьей воссоединился дедушка, которого постреволюционные бури прибили наконец к родному берегу. Дедушка четко сориентировался в тогдашней обстанов-

ке и построенный дом передал государству, отказавшись от собственности. Таким образом, большая дедушкина семья получила право на шесть комнат в бывшем собственном доме, а остальная площадь была передана пяти новым семьям, которые и стали на долгие годы нашими соседями, с которыми и проходило в дальнейшем мое детство. Вот именно в этот дом на Танковой улице мы с мамой и переехали после того, как в наш дом на Шорной попала бомба. В этом доме мы прожили все три года фашистской оккупации. И хотя наш дом не дожил до сегодняшних дней, его давно снесли и построили на его месте огромное длинное кирпичное строение, которое сегодняшние минчане называют домом-крепостью, мне навсегда дорог наш старый дом, в котором прошло все мое детство. Мне дорога память о нем как о символе нашей прошлой жизни, которую обратно вернуть невозможно. Не все хотелось бы мне вернуть из нашей прошлой жизни, а самое лучшее, что сохранила моя память о милых и любимых моему сердцу людях, о многих тех, кто не дожил до наших дней, но светлая память о которых навсегда сохранится в моем сердце, пока оно будет биться в моей груди.

Три года жизни в оккупированном фашистами городе очень рано нас, детей, сделали взрослыми. Переезд к родителям моей мамы внес много нового в мою детскую жизнь. Я попал в большую семью, так как у бабушки и дедушки было семь дочерей, одной из которых была моя мама. Все шестеро дочерей со своими детьми (семеро моих двоюродных бра-

тьев и сестер), жили под одной родительской крышей. Как видите, семья большая, и для того, чтобы выжить в это тяжелейшее время, пришлось быстро стать взрослым и делить со своими близкими все тяготы и беды, которые выпали на долю всего нашего народа.

Я очень рано осознал, что вокруг нас беда. Это как-то стало понятным само по себе. Ведь я не знал довоенной жизни, а моя сознательная жизнь начиналась под вой бомб в комендантский час. Зимой с 19 до 7 часов утра, а летом с 21 до 5 часов утра наступал этот проклятый час, и если ты не попадал к этому времени домой, то это означало твою физическую смерть. Я вспоминаю февральскую ночь далекого 1944 года, когда моя мама не пришла домой с «барахолки» – единственного места, где можно было приобрести кусок хлеба. На этом своеобразном базаре можно было обменять на булку хлеба личные вещи из прошлой жизни. Золотые украшения, одежда – все это менялось на хлеб и на соль. Каждый поход на толкучку – «барахолку» был сопряжен с большой степенью опасности. Внезапные облавы, обыски и аресты ни в чем не повинных людей были обыденным делом. Когда человек не возвращался с «барахолки» домой, его близкие прощались с ним навсегда – так была устроена фашистами повседневная жизнь любого советского человека, которого фашистские законы превращали в раба. Население каралось смертью за любое сопротивление немецким властям, хранение советских листовок, распространение сообщений совет-

ского радио, уничтожение объявлений властей, сокрытие местонахождения красноармейцев и партизан.

В основу оккупационной политики фашистов были положены расовая человеконенавистническая теория о превосходстве арийской нации, идеи мирового господства Германии. Это было без времени, когда человеческая жизнь была гораздо дешевле со ли. Да, я не оговорился, щепотка соли была дороже золота, а жизнь человека в условиях фашистского рабства вообще ничего не стоила.

На всех улицах появились листовки и обращения так называемой новой власти к гражданам города. В этих объявлениях сообщалось о расстрелах за малейшее неповиновение немецким властям. Под страхом смерти запрещалось свободное перемещение по городу, смертью каралось также передвижение и хождение по улицам в ночное время. Каждый призыв новой власти к населению дышал смертью.

По улицам города ночью и днем непрерывно сновали набитые людьми «машины-душегубки». Удушенных газом вывозили за город и закапывали. Минск был залит народной кровью, в нем за период фашистской оккупации было уничтожено около четырехсот тысяч советских граждан – мужчин, женщин и детей всех возрастов.

Фашистская власть одаривала жителей города пайкой эрзац-хлеба (т. е. заменитель хлеба). Это был особый хлеб пополам с опилками. Он плохо жевался и создавал иллюзию быстрого насыщения. В условиях тотального дефицита и от-

сутствия практически всех видов продуктов питания каждый живущий в городе человек был предоставлен сам себе и выживал в одиночку. На примере нашей большой семьи могу сказать, что выжить нам всем помог неустанный труд каждого члена нашей семьи. Начиная с ранней весны и до поздней осени мы все трудились на нашем небольшом, но хорошо ухоженном огороде. В нем мы выращивали картофель и основные виды овощей. В течение всего этого периода мы собирали дикорастущие съедобные растения – лебеду, крапиву, листья подорожника, плоды дуба – желуди. Основной задачей было не только собрать урожай, но подготовить и создать для каждого вида овощей особые условия хранения. С условиями хранения выращенной продукции связывалось понятие здоровья. Необходимо было сохранить витаминную ценность заготавливаемых растений и их плодов, что являлось весьма важным условием для сохранения и поддержания здоровья у всех членов нашей семьи в условиях полного отсутствия медицинской помощи. В искусных руках бабушки, мамы и моих тетюшек заготавливаемые овощи и фрукты превращались в широкий ассортимент сказочно вкусных и разнообразных блюд.

К соленьям, к картофельным блюдам готовились разнообразные маринады из сахарной свеклы, тыквы, лука, кабачков, стеблей ревеня и сельдерея, из трав лебеды, сныти, мальвы – все они обладали нежным и ароматным запахом, своеобразным и приятным вкусом. Особый домашний уксус

приготавливали из тыквы и грибной муки, домашнюю горчицу – из свекольного и овощного сока. Ароматными запахами встречали нас всевозможные супы из листьев редьки, редиса, щавеля, крапивы, каштанов, лебеды, листьев подорожника, свекольной ботвы, клевера, тыквы, яблок.

Нас, детей, даже иногда баловали домашними конфетами, которые обладали удивительно нежным вкусом и запахом сада. Эти деликатесы готовили из свеклы, черной смородины, тыквенных зерен, из моркови и вишни.

Самыми дефицитными продуктами в то время являлись соль и сахар. Соль можно было приобрести в обмен на вещи на «барахолке». Сахара не было, он заменялся сахарином.

По утрам мы с мамой отправлялись за стограммовой пайкой хлеба – таким был суточный рацион каждого живущего в городе. На наших глазах в это время похоронные команды убирала город от трупов убитых накануне ночью людей. На всех домах были вывешены списки проживающих в них жильцов. Этот учет использовался немцами при внезапных обысках и облавах. При нахождении в доме человека, не указанного в списке, хозяин дома и пришедший к нему на ночлег гость подлежали расстрелу.

Смерть перестала пугать минчан. Она, наоборот, как бы стала избавлением от страданий и унижений. Гораздо хуже смерти была встреча на городских улицах с фашистами. По действующему закону при встрече с немцами надо было им уступить место, снимать головной убор и при этом низко кла-

няться.

Узаконенное бесправие пронизывало все этапы человеческой жизни, от принудительной работы в городе до насильственного угона молодежи в рабство в Германию.

Улицы Минска в годы оккупации были переименованы в честь немецких ученых, поэтов, полководцев, наименование улиц писалось на немецком и белорусском языках. Фашистская ночь накрыла и охватила все стороны жизни живущих людей, перечеркнув одним махом их прежнюю жизнь без всякой надежды на будущее.

Живущие в оккупированном фашистами городе не имели никаких прав, и гитлеровская система порабощения не предусматривала оказания медицинской помощи проживающему населению. В этих условиях обездоленный народ изобретал, собирал и применял для лечения различных заболеваний народные советы и народные рецепты, которые передавались из поколения в поколение. В нашей семье все простудные заболевания лечились самогонкой, которая выдавалась лично бабушкой, в исключительных случаях. Эта драгоценная жидкость хранилась у нее в сундуке под замком. Обычно для лечения самогонку смешивали со скипидаром и этой обжигающей смесью натирали спину и грудную клетку. При заболеваниях желудочно-кишечного тракта применялась та же самогонка, только внутрь. Все травмы, повреждения кожных покровов, ушибы, рваные раны смазывались машинным маслом, которое называлось тавотом.

Тавот хранился в черной дегтярной бочке в открытом виде. Для оказания помощи прямо из бочки доставалось желтого цвета масло, которое накладывалось на открытые раны или другие повреждения кожи. Больные зубы удалялись суровыми нитками при помощи дверей, эта операция по удалению зубов производилась примерно так: на больной зуб накидывалась петля из суровой нитки, а второй ее конец крепко привязывался к ручке двери. При резком открытии дверей срабатывал механизм, при котором вырывался, а чаще обламывался больной зуб, что, как правило, сопровождалось болевым шоком и глубоким обмороком. На «барахолке» в то время продавались и обменивались народные снадобья всевозможного назначения, в виде корней хрена, крапивы, собачьего жира, различных натираний, живой и мертвой воды. В большом количестве появились всевозможные шарлатаны и колдуны всех мастей и оттенков, как в средневековые времена, они продавали сомнительные рецепты здоровья и долголетия доверчивым и обреченным на смерть людям. В этих условиях любое заболевание считалось опасным, так как специализированной медицинской помощи не было, а народные врачеватели никакой ответственности за лечебный процесс не несли, и поэтому, если лечение заканчивалось смертью, то это принималось как должное, как веление судьбы. Однажды это все испытал и я на себе. Простудное заболевание, внедрившееся в мой организм, расцвело пышным цветом. Никакие народные средства мне не помогли

справиться с болезнью. Высокая температура, постоянный кашель и днем и ночью изматывали не столько меня, сколько мою маму. Любой мой вздох отзывался страданиями в мамином сердце, она ни на секунду не отходила от моей постели, подавая мне и ночью и днем холодные компрессы на мой постоянно пылающий лоб, вливая в меня отвары крапивы, растирая в кровь мою грудную клетку смесью скипидара и самогонки – ничто не помогало мне и не оказывало должного лечебного эффекта. Я таял на глазах и казалось, что нет силы, которая может мне помочь выздороветь. Мама боролась за мою жизнь, упорно доставая последние вещи и обменивая их на «барахолке» на все новые и новые снадобья. Однажды она раздобыла мировое народное средство от туберкулеза – банку собачьего жира. Существует народное поверье, что при заболевании туберкулезом собачий жир не заменим. Есть ли у меня туберкулез или нет – науке в то время было не известно. Однако это отвратительное пойло вливалось в мой организм ежедневно, но должного эффекта не давало. В одну из очень тяжелых для меня ночей мама приняла решение обратиться за медицинской помощью к фашистским медикам. На нашем семейном совете мамино решение было отвергнуто. Так как все мамыны сестры были против, они пытались маму убедить в том, что обращение за помощью к фашистам влечет за собой немедленную физическую смерть больного ребенка, то есть меня. Глава нашего семейного совета, мудрый и ответственный за судьбу всей нашей семьи –

мой дедушка единственный человек из всей семьи поддержал неожиданно для всех мамино решение. Он встал и сказал: «Все в руках Божьих – один он знает, что надо делать в это трудное для нашего народа время. Сердце матери ответственно за судьбу своего ребенка и слова, которые она произносит в его защиту, принадлежат Господу нашему. Если ты, Люба, решила обратиться за помощью во имя спасения сына, значит это от Бога, это он тебе дал. Мы, вся наша семья, должны ей в этом помочь. Давайте соберем во имя жизни на земле довоенные остатки роскоши: обручальные кольца, броши, серебряные ложки, что достались нам по наследству еще от моих родителей, и от имени Господа попросим помощи у врагов наших. В этом наша сила, а не слабость, в этом наша духовность и величие». Через два часа после состоявшегося семейного совета в наш дом пришел немецкий фельдшер, обер-лейтенант. Он внимательно осмотрел меня и на ломаном русском языке сказал, что мне необходимо сделать рентген. И чем быстрее, тем лучше. Главная задача заключается в том, чтобы об этом не узнал его начальник. Оказывая помощь мне, немецкий фельдшер по законам военного времени подвергал себя нешуточной опасности, так как существующий приказ запрещал оказание медицинской помощи местному населению. Нарушение этого приказа служило основанием для разжалования и ссылки в штрафной батальон, что означало неминуемую смерть. Он предложил рано утром до прихода на работу всякого начальства сделать

мне рентгеновский снимок. По результатам рентгеновского исследования установили диагноз – плеврит, что в отличие от туберкулеза давало мне шанс на выздоровление, лишь в том случае, если будет оказано мне специализированное лечение. В течение десяти дней немецкий фельдшер тайком от начальства в далеком сорок четвертом году лечил меня инъекциями пенициллина, дефицитного для того времени лекарства, что спасло меня от смерти и я выздоровел. Как видите, сила духа моей мамы в сочетании с мудростью моего дедушки помогли мне выжить.

В один из февральских дней 1944 года моя мама не вернулась с «барахолки». Ночь для меня прошла в ужасном кошмаре. Я без слез прощался с самым дорогим для меня человеком. Никто из окружающих меня близких ни одним словом не успокаивал меня и даже не пытался сказать мне ободряющие слова – их просто не могло быть, так как все понимали, что это значит. Но, увы, произошло невиданное, и Господь мне вернул жизнь в лице мамы. Всех присутствующих на «барахолке» в тот день арестовали и продержали до утра – искали диверсантов и партизан. Партизан, подпольщик – эти слова вошли в мое сознание в то страшное время, когда понятие жизнь и смерть как бы соединились в единое целое. Несмотря на массовые репрессии, устрашающие всенародные казни партизан, подпольщиков и массовые убийства молодежи, дух рабства не проник в нашу семью. Моя родная тетя Шура принимала активное участие в

акции по устранению палача белорусского народа гауляйтера Вильгельма Кубе. Это она, в то время молодая женщина, прикрыв своим ребенком, моим двоюродным братом, партизанскую мину, перевезла ее в детской коляске через весь город на явочную квартиру, которой впоследствии и был взорван именитый гитлеровский фашист. Мои тетушки, многих из которых уже нет в живых, с риском для жизни собирали медикаменты, перевязочный материал и перевозили их подпольщикам. Это они отдавали последний кусок хлеба нашим военнопленным, тем самым как бы спасая всех пропавших родных и близких, чьи судьбы они оплакивали каждый день, оставляя в себе какую-то надежду, что они живы и наступит день их встречи.

Через много лет в моей памяти остался гордый поступок моей мамы, про который мне хочется рассказать. Она презрела рабство во имя жизни и выбрала достойный выход из сложной ситуации – фашистский холуй-полицейский избил ее палкой за то, что она переходила улицу в неположенном, как ему показалось, месте. Удары палкой сыпались на незащитные женские плечи, вся кофточка пропиталась кровью, а вооруженный бандит исполнял свой долг перед хозяевами, наводя новый порядок в новом фашистском доме. Я не знаю, какая сила заставила после этой бойни подняться мою маму с земли и броситься на фашистского ублюдка. Она впилась рукой в его перекошенное злобой лицо и вырвала ему глаз. Бандит заорал не своим голосом, схватился одной ру-

кой за окровавленное лицо, а второй вынул из кобуры пистолет и направил на маму. От ужаса я закрыл глаза и бросился к маме, но в эту минуту раздался окрик немецкого обер-лейтенанта: «Хальт!» Оказывается, он с самого начала наблюдал эту сцену и даже он, враг нашего народа, оценил мужественный поступок молодой женщины, бросившейся на вооруженного бандита, защищая свою честь и достоинство, презрев рабство, отстаивая свободу и независимость даже ценой своей собственной и моей жизни. Разве это не подвиг? Несгибаемый дух мамы оказался сильнее фашистского прихвостня, который под команду обер-лейтенанта с залитым кровью лицом ушел в сторону. Эта победа моей мамы над вооруженным бандитом стала для меня примером мужества и самоотверженности, которые я пронес через всю свою жизнь. Эта ее победа, ее сила духа помогли мне в трудные минуты преодолевать минутную слабость и заставляли не хныкать, когда так хотелось расслабиться.

Я верю, что несгибаемая воля и жизненная сила моей мамы помогли нам всем выжить и дожить до того светлого дня, когда 3 июля 1944 года я вместе с мамой и всей своей родной босоногой детворой встречал первые советские танки. Эта улица, на которой мы встречали наших освободителей, стала потом называться Танковой улицей. И почти не осталось никого, кто бы мог ответить на этот простой вопрос: «Почему эта улица стала называться Танковой?» Знайте все, что на этой улице мы встречали нашу свободу. В этот светлый

и радостный день мы увидели наших освободителей. Закопченные гарью и пылью танкисты подхватывали нас, детей, на руки, усаживали на теплую от боевого накала броню и целовали нас, мальчишек, крепко прижимая к груди, нежно лаская своими огрубевшими руками, угощая хлебом, сахаром и тушенкой. Этот день, 3 июля, сегодня в Беларуси отмечают как день освобождения республики, а мне он запомнился как день освобождения нашей семьи и как день, который принес нам совершенно новую жизнь, день, давший само право на жизнь.

Новая жизнь с первых шагов чуть не обернулась большой бедой для всей нашей семьи. На смену неподдельной радости и шумных криков: «Ура!» пришло отрезвление, обрушившееся на всех, как ушат холодной воды, вылитой в один миг на каждого из нас. Уполномоченный НКВД зачитал нам приказ, в котором нашей семье в течение 24 часов было предписано эвакуироваться в Казахстан за то, что в течение всего периода оккупации г. Минска мы проживали на временно оккупированной территории. Это распоряжение повергло в шок всю нашу семью, которая, пожалуй, впервые на моей памяти оцепенела от ледяного ужаса, который был страшнее всего того, что мы до этого пережили. Бросить насиженное гнездо и отправиться в никуда, а самое главное – это несправедливость, которую мы не заслужили. В этот страшный для нашей семьи момент моя мама в очередной раз поразила меня своим мужеством. Взяв меня за руку, привела в кабинет на-

чальника НКВД, смело открыла дверь и спокойным голосом сказала: «Начальник, расстреляйте меня с сыном вместе, потом всех остальных Саевичей, моего отца, мать, сестер. Расстреляйте за то, что вы нас не смогли защитить, что вы, бросив нас на произвол судьбы, пустили в наш дом фашистов, что на третий день войны мародеры уже грабили и жгли наш Минск, а где же вы все были? Три года над нами издевался фашист, три года ада и ужаса испытали мы только для того, чтобы вы, освободив нас от фашистского рабства, в котором мы сохранили свою честь и достоинство, предлагали нам новый концлагерь. Нет, мы никуда не поедем, хоть убейте нас всех, а потом везите наши трупы куда хотите». Такие страшные слова я от своей мамы услышал впервые, ее спокойный отдающий металлом голос не дрожал, а звучал, как набат. В комнате установилась напряженная тишина. «Как фамилия?» – прозвучал голос начальника НКВД. Мама произнесла свою фамилию по слогам: «Сае-ви-чи мы, нас здесь все знают». Полковник поднял свои свинцовые опухшие глаза и хриплым голосом проговорил: «Проханов, проверь Саевичей на предмет сотрудничества с немецкой властью». «Есть, товарищ полковник». Худой и высокий Проханов подошел к столу, взял в руки папку, надел очки, всматриваясь в бумаги, протянул список начальнику со словами: «Нема тут ниякого сотрудничества – старики, баба да дети, белье стирали за кусок хлеба. И все. Так, товарищ полковник». Тогда, не поднимая глаз от стола, бесцветным тусклым голосом пол-

ковник приказал: «Вычеркни их к ядерной маме». Проханов красным карандашом вычеркнул нашу фамилию из страшного смертельного списка и подал маме стакан воды. Мама начала пить воду, и я услышал, как застучали ее зубы о край стакана. Когда мы вышли с мамой из комнаты, у нее подкосились ноги. Такой беспомощной я ее увидел впервые. Да, моя мама, смертельно рискуя, отвела страшную беду от всей нашей семьи и спасла нас всех от того ужаса, в который попали сотни тысяч ни в чем не повинных людей, о чем я узнал спустя много лет.

Началась новая послевоенная жизнь, жизнь, полная забот и маленьких бесхитростных радостей. Самым большим праздником в нашей семье стал День Победы, который под грохот салюта мы отметили в кругу нашей семьи. И хотя за праздничным столом кроме картошки и нескольких банок свиной тушенки не было ничего, этот день у меня остался в памяти на всю мою жизнь. Собралась за нехитрым столом вся наша семья. Моя мама была самая красивая из всех ее сестер, самая сильная и самая умная. Дедушка разлил в стаканы самогон, который хранился в бабушкином сундуке под замком, встал и сказал: «Восславим Господа Бога, что даровал нашим воинам победу над лютым врагом» и пожелал всем крепкого здоровья. Все выпили обжигающую жидкость, и как-то сразу все вокруг потеплело, легко звучал нежный голос патефонной пластинки, который пел про темную ночь, про пули вокруг и, конечно, про жизнь, которая победила

смерть. Дрожал наш маленький дом от артиллерийских торжественных залпов, обжигала руки и губы горячая картошка в мундирах. Я видел одухотворенное лицо моей мамы, самое лучшее лицо в мире, я чувствовал ее тепло и это был для меня самый счастливый день в моей жизни.

Памятник матери-белоруске

*Светлой памяти моего замечательного
друга Олега Григорьевича Трофимчука, главного
архитектора Минской области, посвящается*

Среди белорусских лесов разбросаны тысячи деревень, все они на первый взгляд не производят особого впечатления, затерянные среди просторов, притаившиеся у берегов красивых озер, больших и малых рек. Мне раньше казалось, что среди бесчисленных Березовок, Липовок и Сосновок встречаются деревни и небольшие поселки с какими-то необычными именами, как например, Королев Стан, или деревня с красивым и звучным названием Марьяново, или как у нас издавна бытовала шутка о трех белорусских столицах: «В Беларуси три столицы – Минск, Логойск и Плещеницы». Есть в нашей Беларуси даже свой Париж, вернее, деревня с таким названием. Мне всегда казалось, что в этих необычных и загадочных названиях присутствуют какие-то удивительные и необычные истории, от которых и произошли их имена. Однако по мере того, как шли годы, я все больше и больше узнавал о непростых судьбах живущих в этих белорусских краях людей и убедился в том, что на всей территории Беларуси нет даже самой маленькой деревни, где бы не было своих замечательных людей и связанных с их жизнью историй, которые оставили о себе память. С одной из таких историй связан и этот рассказ. Я хочу рассказать о небольшом белорусском городке Жодино, в котором и родилась эта женщина-мать Анастасия Фоминична Куприянова, необычная судьба которой осталась в моей памяти на всю жизнь, хотя история основания этого города связана не с фамилией Куприяновых, а с именем Богуслава Радзивилла, предста-

вителя одного из известнейших людей своего времени. Об этом свидетельствует деревянный сруб, встречающий каждого, въезжающего в этот город, с надписью на белорусском языке: «365 год таму назад на злучыне Плісы і Жодзінкі Багуславам Радзівілам заснавана мястэчка Багуслаў Поле, якое паклала пачатак гораду Жодзіна». На русском языке эти слова звучат так: «365 лет тому назад в месте слияния рек Плисы и Жодинки Богуславом Радзивиллом основано местечко Богуслав Поле, которое явилось началом основания города Жодино».

Меня в эти места привлекла история рода Радзивиллов, с которой была связана моя поездка в эти края. Этот богатейший род оставил заметный след в истории Беларуси. Один из представителей этого рода, крупнейший магнат Богуслав Радзивилл, имел в Смоленичах имение и решил на окраине своих земель основать новый город с целью улучшения сообщения между Смоленичами и Борисовом.

Я ходил по этому отмеченному историей городу в надежде найти связь времени прошлого с настоящим. Я искал людей-старожилов в этом городе, ставшем индустриальным, тех, кто хорошо знал историческое прошлое, но к моему большому сожалению, я не встретил никого, кто бы мог мне рассказать о прошлом, а ведь, как известно, без прошлого не бывает настоящего. За последние годы Жодино превратился в современный город и теперь каждый житель Беларуси при упоминании Жодино ассоциирует его с БелАЗом

и автомобилестроением. Сюда на постоянное место жительства приехало много людей, а старожилов я так и не встретил на своем пути. Погрузившись в невеселые думы, связанные с неудавшейся поездкой, я решил посидеть с удочкой у водоема и попытаться сквозь призму природы, которая за прошедшее время, естественно, подверглась каким-то изменениям, рассмотреть прошлое, так как природа, как бы она ни менялась, всегда сохраняет отпечатки прошлой жизни. И хотя те реки, у слияния которых был основан когда-то этот город, превратились в небольшой водоем, они по-прежнему оставались для меня символами прошлой эпохи, которая сохраняла в себе таинственные прелести той далекой жизни.

Я нашел сельский магазин, купил удочку и рыболовные снасти и отправился к мельничной плотине. Был ненастный сумрачный день, над головой плыли тяжелые темные облака, периодически шел мелкий дождь. От темной воды тянуло холодом, было неуютно и даже не верилось, что в самый разгар лета выпал такой неприветливый день. Однако, как это бывает летом, дождь внезапно прекратился, выглянуло солнце и на душе стало радостно. Я подошел поближе к мельничному омуту и стал сооружать снасти для рыбной ловли. Возле самой запруды сидел пожилой человек, его лица не было видно из-под соломенной шляпы, выглядывала только длинная седая борода. Накинутый на худые плечи солдатский бушлат был ему явно велик, он ловил рыбу, вытаскивая одну за другой толстых плотвичек, не обращая на меня ни-

какого внимания. С реки мы возвращались в сумерках в Жодино вместе. Всю дорогу старик мне рассказывал, как надо варить приманку на карпа, и про анисовые капли, от запаха которых рыба сходит с ума. Из его рассказа выяснилось, что он местный, живет одиноким бобылем. Вся его семья сгинула во время прошедшей войны, и у него на всем белом свете не было ни одной близкой души. Узнав, что я приезжий и собираюсь устраиваться на ночлег в гостинице, он, не раздумывая, пригласил меня к себе и начал разговор.

– Вот ты живешь в Минске. Большой город, а я не люблю в нем бывать, народу там много, дышать нечем, а здесь, в Жодино, мои родные края. Хочу добыть здесь все те дни, что Господь мне отпустил. Я старый человек, за восьмой десяток перевалило. У меня нет ни жены, ни детей, а о друзьях и говорить нечего, иные погибли во время войны, а остальные разбрелись по белу свету. Но эти места мне очень дороги, партизанил я здесь и память сохранил о всех своих друзьях, кто не дожил до победы. А вот ты скажи мне, мил человек, чего в наши края приехал? – вдруг перебил он свой рассказ и внимательно, со стариковским прищуром посмотрел на меня. – Расскажи, что тебя к нам привело. Ведь я вижу, ты – человек городской и в Жодино у тебя никаких знакомых нет.

Его рассказ о себе был хитрой партизанской уловкой. За этим рассказом скрывалось любопытство. Он просто хотел выяснить, что я за человек, и что я делаю в этих краях. Разгадав его мысли, улыбаясь про себя, я рассказал об истории

семьи Радзивиллов, об этом знаменитом роде, который когда-то пересекался в прошлой жизни с моими предками, и о моем желании прикоснуться к тем далеким событиям, которые за давностью времени оказались всеми забыты.

Старик остановился после моих слов и посмотрел на меня с каким-то недоумением:

– Радзивиллы – это хорошо, – проговорил он, – но это было так давно. А вот про нашу матушку Куприянову ты слышал?

Мы подошли со стариком к его стоящему на отшибе маленькому домику и сели во дворе на отсыревшее бревно. Как я понял, это было обычное место Степана Ивановича.

– Чего-то холодно, – пожаловался он и поднял ворот солдатского ватника. Действительно, похолодало, хотя и не было ветра. В темноте не видно было неба. – Да, – сказал старик, закуривая трубку, – раз молчишь и не отвечаешь на мой вопрос, значит, ничего про Куприянову не знаешь. Я, может, и поселился здесь из-за нее и ее ребят. Партизанил я в этих краях с ее сыновьями Михаилом и Владимиром, а младший, Петр, хоть и школьником был, но возраст не помешал ему стать нашим партизанским разведчиком. Вся их семья жила в небольшом домике рядом с тем местом, где мы с тобой рыбачили на самом берегу реки Плисы. Разнюхали фашисты про партизанскую семью и устроили засаду, им удалось выследить Володю и Петю, а на следующий день арестовали и Михаила. Он выполнял задание на железной дороге, мини-

ровал рельсы и остался прикрывать отход своей партизанской группы. В этом бою он был тяжело ранен, и его без сознания схватили немцы и увезли в тюрьму города Борисова, там все три брата встретились, но никто из них не подал вида, что знает друг друга. В борисовском гестапо пытали Михаила, но он мужественно перенес пытки и палачам не сказал ни слова и был ими казнен. Младшим братьям удалось бежать из поезда, увозившего их в рабство в Германию. После случившегося Анастасии Фоминичне Куприяновой оставаться в Жодино было нельзя. Ее переправили в наш партизанский отряд. Вот с этого момента она и стала для нас для всех партизанской матерью. До самого освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков А.Ф. Куприянова наравне со всеми переносила все тяготы партизанской жизни. После освобождения советскими войсками Жодино летом 1944 года она вернулась со своими оставшимися двумя сыновьями, Володей и Петей, на пепелище родного дома. Война продолжалась, и вскоре в дом партизанской матери сразу одна за другой пришли три похоронки. Погибли родные братья Куприяновы, Николай и Степан, на поле боя в Польше, Михаил – во вражеских застенках. А младший сын, ефрейтор Петр Куприянов, бывший партизанский разведчик ушел на фронт и повторил на латышской земле подвиг Александра Матросова и ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Вскоре после войны от ран, полученных в бою, скончался последний ее сын Влади-

мир Куприянов. Все пятеро сыновей, вскормленных ею, отдали свои жизни во имя победы над фашизмом. И от некогда большой семьи остался у матери только сын Александр, живущий в Сибири, и рядом с ней ее дочь Анна. Я по старой памяти прихожу к ним в гости, чтобы только на нее посмотреть, когда ее увижу, мне становится легче. Вот подумай, встречал ли ты когда-нибудь на земле такую женщину, которая родила и воспитала в любви к Родине пятерых сыновей, которые за Родину все и погибли. А ведь эту женщину никто не знает в Беларуси, кроме нас, жодинцев. И о ее материнском подвиге никому не известно. Старик тяжело вздохнул, вытер украдкой рукавом ватника скупую слезу. Так вот, знай и расскажи всем другим, что здесь, на этой священной белорусской земле родилась 10 апреля 1872 года Анастасия Фоминична Куприянова. Расскажи о ней, о ее бессмертном подвиге и о материнском сердце, которое выдержало выпавшие на ее долю такие тяжкие невзгоды.

Ночь пробежала быстро, мы просидели на этом бревне до утра. Мне совсем не хотелось спать, и, прощаясь со мной, Степан Иванович сказал:

– Я скоро, сынок, умру, а ты еще молодой, подсоби, чтобы имя нашей матушки осталось на века. А то пройдут годы, и в эти места приедут люди такие же, как и ты, но меня уже не будет, и никто им не расскажет о нашей жодинской земле, которая один раз в сто лет, а то и реже рождает таких людей, как Куприянова и ее дети.

Рассказ старика потряс меня до глубины души. Я совсем не жалел, что приехал в Жодино. Я представил, что Анастасия Фоминична Куприянова родилась еще в Российской империи, она жива в настоящее время и является живым примером связи во времени прошлого с настоящим!

Слова Степана Ивановича, старого жодинского партизана, сказанные мне при расставании с ним, обрели могущественную силу. Не успел я вернуться в Минск, как его напутствие, не дававшее мне покоя, превратилось в реальность, и я стал свидетелем и даже в какой-то мере соучастником процесса по созданию памятника, посвященного подвигу легендарной женщины А.Ф. Куприяновой.

Мой друг Олег Григорьевич Трофимчук, главный архитектор Минской области, услышав от меня рассказ о героической женщине из белорусского городка Жодино, выросшей и потерявшей в годы Великой Отечественной войны пятерых сыновей, загорелся идеей воплотить в бронзе на века подвиг и величие белорусской семьи Куприяновых. Олег Григорьевич, не мешкая, на следующий день уехал в Жодино и встретился с Анастасией Фоминичной Куприяновой. После этой поездки жизнерадостный и всегда улыбающийся Олег Григорьевич как-то изменился, он предстал передо мной с суровым видом и сказал:

– Знаешь, всякое в жизни слышал и много чего видел, но таких скорбных глаз, как у Анастасии Фоминичны, я не встречал. А еще я понял, что эта женщина, потерявшая во

время войны своих пятерых детей, устала от жизни, устала носить годами и десятилетиями в душе свою горькую память. И она мне сказала: «Сынок, мне ничего больше в жизни не надо. И никакой памятник не заменит мне моих сыновей». Эти слова, сказанные ею, больно ранили мое сердце, и я для себя принял решение запечатлеть образ этой героической семьи в бронзе, чтобы будущие поколения знали, что пришлось пережить нашим матерям в годину суровых испытаний.

С этого момента началась кропотливая работа по созданию памятника, которая объединила под руководством О.Г. Трофимчука творческую группу, в которую вошли скульпторы Н. Рыженков, А. Заспицкий и И. Миско. А через два года после моей поездки в Жодино в художественной мастерской Николая Ивановича Рыженкова собрался весь авторский коллектив. О.Г. Трофимчук как архитектор рисует на бумаге макет будущего памятника, увековечивший великий подвиг белорусской матери и ее пятерых сыновей. Перед нами на рисунке возникают образы пятерых воинов, они шагают в неизвестность в длинных солдатских шинелях с винтовками за плечами. Шаг у них твердый, решительный. Они попрощались с матерью и смотрят вперед, где их ожидает поле брани, они уже не дети, взяв в руки боевое оружие, превратились в солдат. Их лица величественно суровы и решительны, они видят впереди беспощадного врага, им надеяться не на кого. Они идут защищать свою родную землю от врага.

Они готовы к бою и твердо верят в победу, понимая, что на войне бывает всякое, но милости от врага никто из них не ждет. Четверо солдат двинулись вперед, а самый младший отстал от братьев.

О.Г. Трофимчук повернул его голову к матери. Он ведь самый младший, он еще не стал солдатом, он просто мальчишка, с непокрытой головой, рвется за братьями вперед и не может не оглянуться назад, ему труднее всех, он еще ребенок, он чувствует близость матери, ее любовь к нему заставляет его замедлить шаг и повернуть к ней свою голову. Он как будто хочет запомнить свою мать, он впервые отрывается от родного дома, он только делает свои первые самостоятельные шаги. Он видит мать, стоящую на крыльце родного дома, которая со слезами на глазах провожает их в дальнюю и опасную дорогу войны. Вот это последнее прощание с матерью младшего ее сына Петра, повторившего подвиг Александра Матросова, изобразил архитектор О.Г. Трофимчук. Это он предложил повернуть голову младшего сына к матери, это он заставил его оглянуться в последний раз на провожающую мать. Так на моих глазах оживал бессмертный подвиг Анастасии Фоминичны Куприяновой и ее пятерых сыновей, не вернувшихся с войны.

Совет Министров БССР в лице его председателя Т.Я. Киселева поддержал идею создания патриотического образа матери-героини. Я наблюдал, как оживали застывшие в гипсе мужественные лица пятерых белорусских парней, от-

давших свои жизни за отечество. Я физически воспринимал боль матери, перенесшей эту трагедию, она провожала в последний путь своих сыновей, стояла на крыльце родного дома, ее лицо выражало тревогу, надежду и непреклонную веру в своих сыновей.

Итак, макет памятника был готов, и мы с О.Г. Трофимчуком приехали в Ленинград, в Монетный двор, чтобы отлить в бронзе задуманный монумент, посвященный подвигу белорусской семьи Куприяновых. Директор Монетного двора сначала наотрез отказался принять в работу белорусский памятник, так как он руководствовался утвержденным ЦК КПСС списком очередности изготовления памятников. В этом документе белорусский памятник не значился, а под номером один числился памятник королю Непала. О.Г. Трофимчук потратил немало усилий, чтобы изменить заранее спланированный ход этой бюрократической машины. После длительных переговоров на уровне правительств БССР и Союза ССР и лишь спустя два месяца после вмешательства первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К.Т. Мазурова памятник королю Непала был отставлен. Он уступил место нашему выстрадавшему жодинскому памятнику. Такова история рождения памятника семье Куприяновых.

Большим торжеством для всех белорусов было открытие памятника, которое состоялось в 1975 году. Величественный монумент был воздвигнут у перекрестка дорог около шоссе

Минск – Москва в городе Жодино.

На открытии памятника в свою честь и в память о ее сыновьях присутствовала и сама виновница торжества – А.Ф. Куприянова. В 1977 году монументу была присуждена Государственная премия СССР.

Мне выпала большая честь участвовать в качестве члена негласного жюри по оценке достоинств украинского памятника, посвященного Первой конной армии, который, как и наш, белорусский памятник Куприяновым, был выдвинут на соискание Государственной премии СССР. Я в то время работал в Институте градостроительства и был командирован белорусским правительством в город Киев. Вместе со мной в командировку была направлена и вся творческая группа, создававшая памятник в Жодино. Приехав в Киев, я внимательно осмотрел памятник, посвященный Первой конной армии. Мне бросились в глаза два огромных яйца лошади маршала, они были какими-то несоразмерными по отношению к остальным частям памятника и мешали нормальному восприятию. На их фоне голова Буденного казалась маленькой и выглядела нелепо. На другой день, докладывая Председателю Совета Министров БССР Т.Я. Киселеву свои впечатления, я сказал:

– У стоящей на пьедестале лошади Буденного яйца в два раза больше, чем голова маршала.

...Приведенный мною довод сыграл не последнюю роль в решении Комитета по присуждению государственных пре-

мий СССР отдать пальму первенства белорусскому памятнику.

А.Ф. Куприянова умерла 13 апреля 1979 года в возрасте 107 лет. Двое из создателей этой величественной композиции (О.Г. Трофимчук и Н.И. Рыженков) не дожили до наших дней. Я склоняю низко голову перед их светлой памятью. Имена авторов, увековечивших бессмертный подвиг А.Ф. Куприяновой и ее пятерых сыновей, вбиты в бронзу пьедестала – О. Трофимчук, Н. Рыженков, А. Заспицкий, И. Миско – они неразрывно связаны с легендарной семьей Куприяновых. Они вложили свой талант и добрую часть своих сердец в создание этого символа всенародной памяти, за это им огромное спасибо.

Рассказы Аркадия Львовича Рябова

Меня всегда мучил вопрос: откуда взялись люди на Земле? Эту тайну открыл мне однажды учитель биологии Николай Васильевич Горошко – это от него я впервые услышал теорию Дарвина о том, что человек произошел от обезьяны. Но вглядываясь в прошлое, анализируя те или иные поступки людей и животных, которые настолько отличаются друг от друга, я все больше и больше приходил к убеждению, что человек никак не мог произойти от животного мира. Человеческие поступки нельзя ни в коем разе сравнивать с поступками ни одного другого живого существа, обитающего на нашей планете, поэтому, если предположить, что у животных есть свой звериный разговорный язык, то я уверен, что рассказы моего сослуживца Аркадия Львовича Рябова ни в какое сравнение не идут с тем, что я слышал и увидел от них.

Животные на такие поступки, о которых он рассказал мне, не способны, и поэтому теория дедушки Дарвина, по моему мнению, устарела, она абсолютно ошибочна и не состоятельна. Думаю, дорогие читатели, что рассказы Аркадия Рябова и вас в этом убедят.

Аркадий Львович Рябов – мой подчиненный, можно даже сказать, моя правая рука. Я выделял его из всех сотрудников городской санэпидстанции, а узнал его не после моего назначения на должность главного санитарного врача, я

был знаком с ним задолго до того, как был назначен на эту должность. Мой старый знакомый был мне глубоко симпатичен – он всегда излучал энергию и деловитость, его загадочная улыбка притягивала к нему людей. Он всегда был чисто выбрит, подтянут, опрятно одет и всегда был нацелен на выполнение любого задания. На его груди светился орден Боевого Красного Знамени, вызывавший особое уважение к этому человеку, а вскользь сказанные им слова: «На фронте было во сто раз труднее», повергали в смущение каждого, кто эти слова слышал – разве можно было сравнивать теперешнюю жизнь с фронтом, поэтому из любой дискуссии о трудностях современной жизни наш герой выходил всегда победителем. Он всегда был при галстуке, в белой хорошо отутюженной сорочке, в добротном синем костюме, который плотно облегал его небольшую фигуру, делая его немного стройнее, с постоянной незамедлительной готовностью услужить начальству, он был настоящим символом и образцом для подражания. Он всегда был душой общества и в курсе всех событий. Он был внимателен к людям, от его пронзительного взгляда не ускользала ни одна мелочь, он разбирался в хозяйственных делах и всегда мог дать дельный совет. Фельдшер по образованию, он значился помощником санитарного врача по гигиене питания. Однако всем своим видом он опровергал занимаемое им скромное положение. Его презентабельный вид тянул на гораздо большую должность. Поэтому его всегда принимали за главного начальника санитар-

ной службы. Вся торговля большого столичного города практически из всей системы санслужбы знала в лицо лишь его одного. Он был для них и царь, и Бог, и самый главный воинский начальник. Его уверенный голос был хорошо знаком руководителям общественного питания и торговли. Его командирский баритон звучал, как набат: «Санитарная служба города...», а уверенные и изысканные манеры и умение договариваться с работниками торговли делали его незаменимым в той цепочке санитарного благополучия, которое обеспечивала система санитарной службы на предприятиях торговли и общественного питания. Вот этот человек с большой круглой головой, выпуклой блестящей лысиной, которую оттеняли короткие черные волосы, как-то незаметно стал для меня незаменимым сотрудником.

Как известно, ничто так не сближает людей, как выпитая вместе рюмка водки после работы и застольная беседа. Ведь недаром у нас говорят: чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли и выпить ведро водки.

Алкоголь раскрывает тайники души человеческой – один человек после выпитой рюмки начинает себя хвалить и рассказывать такие небылицы, которые никогда в жизни с ним не случались. Их обычно называют пьяными бреднями. А вот чтобы человек во время застолья рассказывал о себе правду, какой бы она горькой и отвратительной ни была, мне пришлось услышать за рюмкой водки впервые. Таким человеком, у которого рюмка водки вызывала правдивые откоро-

вения, связанные с жизнью, предстал передо мной Аркадий Львович Рябов.

Под нашим советским застольем нужно понимать процесс выпивания как форму бытия, который многие незаслуженно называют обидным словом «пьянство». Ладно, пускай будет пьянство, но разве можно сравнивать наше советское пьянство с западным? На западе под этим понятием подразумевают особое состояние человеческой души, некоторые его трактуют как процесс индивидуального выпивания. Наше застолье всегда ставит перед собой три непростые задачи. Самое главное – процесс выпивания необходимо приурочить к какому-нибудь значимому для человека событию. Например, замочить купленные ботинки или костюм. При этом абсолютно не играет роли, о чем идет речь – замачивается все, что можно замочить. Итак, главное найти повод, а когда он найден, собирается коллектив, который готов разделить с тобой твою радость. Именно в этом заключается вторая задача. Но и не менее важная роль отводится понятию «закусить». Это особая категория. Советский человек без закуски не пьет водку в отличие от всего цивилизованного мира. Поймите меня правильно: ведь когда ставится задача отпраздновать какое-нибудь событие, оно подразумевает сразу три процесса: выпить, закусить и поговорить. Во время застолья происходит обмен мнениями по важнейшим и актуальным вопросам современности. Выпивание по-советски имеет свой привкус, свои традиции, которые коренным об-

разом отличаются от рационального западного представления о выпивании, так как никаких глобальных задач западный человек перед собой не ставит. У него к моменту осознанного желания выпить в наличии имеется всего лишь одна задача – выпить рюмку водки в глубоком одиночестве, чтобы никто этого не видел и при этом немножко опьянеть. Он категорически отказывается от закуски, ибо убежден, что закуска тормозит процесс опьянения. Он никогда не позволит себе выбрасывать деньги на ветер, которые, по его мнению, при выпивании и закусывании из-за большего количества выпитого уходят гораздо быстрее.

Как видим, процесс опьянения регулируется у западного человека принципом рациональности. Такая черта не свойственна советскому человеку, а пить в одиночку – грубейшее нарушение советской морали и этики, из-за которого можно получить презренное прозвище алкоголика-одиночки. Западный человек в отличие от советского пьет в одиночку, он никого на это мероприятие не приглашает, потому что боится за свою репутацию. Он думает, что если с ним будут другие люди, то они могут стать свидетелями его пагубной привычки. У советских же людей другие заботы. Они не понимают, как можно пить в одиночку, зачем, если не с кем разделить праздничное состояние твоей души. Конечно, советский человек может не рассчитать дозу выпитого, и тогда процесс опьянения превращается в медленное, но верное скатывание к скотскому состоянию. К этому советские люди

всегда относились сочувственно, с легкой иронией, юмором, хотя иногда и говорили, обмениваясь мнениями: «Ты не видел, как вчера Иван Филиппович упился, как последняя скотина?», хотя никто никогда не видел ни пьяной коровы, ни свиньи.

У нас не принято пить без закуски. Выпивающий должен закусывать, иначе не будет никакого разговора, а без разговоров по душам нечего и за стол садиться. У выпивающих существует привычка даже при наличии самой добротной закуски занюхивать алкоголь корочкой хлеба, что было подмечено многими западными разведками и использовано ими для раскрытия советских агентов.

Нет, никогда не понять иностранцам советских людей, которые пьют или с горя, или с тоски, или с радости, пьют с друзьями до тех пор, пока есть в наличии водка и при этом говорят по душам с окружающим народом. Водка была единственным незаменимым продуктом. Никакие благородные напитки не могли сравниться с ней. Вопрос пьянства имел свои особенности – на следующее утро после пьянки, как правило, слегка подташнивало, болела голова и душе хотелось похмелиться. Поэтому напитки некрепкие, не вызывающие синдрома похмелья, не имели права на жизнь. Что же это за пьянство, если утром не болит голова и не хочется похмелиться? Ведь любой дурак может пить благородные напитки. А ты вот попробуй то, что не каждый способен пить. Я вспоминаю в этой связи дегустационный зал в Крыму, где

мне пришлось пробовать благородные массандровские вина. В то время директором массандровского винного производства был некто Власенко. Перед началом дегустации он произнес пламенную речь, в которой уделил внимание культуре виноделия и винопития, объясняя всем присутствующим, что предлагаемые им марки массандровских вин могут полностью заменить противную, по его словам, водку и тем самым способствовать сохранению здоровья советского человека. А затем, вспомнив, видно, что-то не совсем приятное для себя, обрушился на белорусов, которые недавно побывали у него в гостях, – первого секретаря компартии Беларуси П.М. Машерова да и все его сопровождение, которые, продегустировав массандровские вина, заявили, что белорусский самогон гораздо лучше. Эти воспоминания о белорусских «варварах» настолько его вдохновили, что в его речи досталось по полной программе всем белорусам, которых он агулом обвинил в некомпетентности, безграмотности и безответственности. Не выдержав его обидных слов, оскорбленный до глубины души, я встал и сказал:

– Товарищ Власенко, а Вы когда-нибудь были в Беларуси? – Власенко, растерявшись от моего вопроса, отрицательно покачал головой.

– Значит, Вы не были в Беларуси? – еще раз спросил я его.

Он ответил:

– Нет.

– Тогда я прощаю Вам то, что Вы сказали в адрес белорус-

ского народа, и приглашаю Вас приехать на мою родину, чтобы Вы убедились, что в ней в течение шести месяцев длится холодная погода, высокая влажность и при таком климате не растет виноград, отсутствует виноделие, и следовательно, нет культуры винопития. А белорусский народ в этих трудных условиях изобрел способ выживания и делает водку собственного изобретения, которая называется самогонном. Так что водку ничем заменить нельзя и она вполне может поспорить с вашими массандровскими винами...

Не отставали в пьянстве от советского народа и кремлевские вожди. Сталин в 1924 году отменил запрет на алкоголь. Именно Иосифу Виссарионовичу принадлежала идея ввести на войне «наркомовские» сто граммов для солдат Красной армии. Водку на фронт поставляли бочками. На разливе стоял обычный сержант. В этой нестандартной ситуации военные умудрялись никогда не давать точных данных об истинных потерях в частях, тем самым сохраняя первоначальные запасы алкоголя.

До нашего времени дошла легенда о том, как Сталин спил Черчилля. Историческая встреча Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем состоялась 12 августа 1942 года в Москве. Речь шла об открытии второго фронта, о максимальной военно-технической помощи. Начавшаяся беседа как-то не клеилась. И вдруг Сталин, зная пристрастие Черчилля к спиртному, внес предложение: «А не выпить ли нам?» В ответ Черчилль предложил Сталину па-

ри – кто больше выпьет, тот и выиграл. После принятия четвертого граненого стакана Черчилль упал под стол. Довольный Сталин сказал Молотову, который присутствовал на том историческом водочном противостоянии: «Думали, что Сталин Родину пропьет?»»

Алкоголь являлся для Сталина грозным боевым оружием. Для того, чтобы узнать мысли своих соратников, он намеренно их спаивал, организовывая свои знаменитые пирушки, чтобы развязать им языки. На таком подлом приеме Сталину удалось поймать Михаила Томского – известного революционного деятеля, стоявшего в то время во главе советских профсоюзов. Он был одним из приближенных Сталина. М. Томский, выпив лишнего, не сдержался и бросил поводья: «И на тебя, Коба, найдется пуля». Тем самым Томский вынес себе приговор – когда пришли его арестовывать, он застрелился.

Первая советская слабоградусная водка «Рыковка» получила название в честь Председателя Совета Народных Комиссаров Рыкова, который имел слабость к алкоголю.

Преемник Сталина Н.С. Хрущев сохранил традицию пышных застолий с водочными возлияниями. В 1957 году он устроил небывалый по своим размерам прием в Тайницком саду в честь завершения всемирного фестиваля молодежи. Были накрыты сотни столов на 10 тысяч приглашенных гостей. Многолюдное мероприятие носило очень демократичный характер, тех, кто допивался «до кондиции» и не

держался на ногах, кремлевская охрана вежливо выводила за ворота. Как-то Хрущеву пришла сумасбродная идея производить водку из кукурузы и нефти. Однако эксперимент не удался, его пришлось прервать, так как полученные пробы резко пахли бензином. Именно Хрущев вывел русскую водку на международный уровень. В 1959 году на американской выставке, проводимой в Сокольниках, генсек заключил договор с президентом США Никсоном о строительстве завода по изготовлению русской водки в Америке. Водка в СССР сразу же подорожала, народ не простил этого Хрущеву, снятому к этому времени со всех должностей, ответив на это частушкой следующего содержания:

Товарищ, верь, придет она,
На водку старая цена,
И на закуску будет скидка –
Ушел на пенсию Никитка.

Эпоха правления Л.И. Брежнева была названа в советском обществе эпохой застоя и «брежневского застоя». В этот период пьянство процветало, а сам Генеральный секретарь коммунистической партии не отставал от своих подданных, то есть от советского народа. Мне запомнилась его пламенная речь в Минском дворце спорта, посвященная пятидесятилетию компартии БССР. Свое выступление он закончил словами: «Культурная революция в Китае проходит под

руководством движения хуйвенбинов¹. Однако нам, советским людям, нечего бояться, так как основа этого движения состоит из русского корня, а с китайской приставкой мы уж как-нибудь разберемся». В ответ на это зал разразился смехом и бурными аплодисментами. Торжественный прием по случаю этого праздника продолжился в ресторане «Юбилейный». На этот прием, устроенный честь по чести, Брежнев прибыл под большим «градусом». Когда слово взяла женщина, Леонид Ильич перебил ее и сказал: «Я люблю женщин, всю жизнь был к ним неравнодушен. Я и теперь неравнодушен». Покидая банкет, Леонид Ильич произнес трогательную программную речь: «Дорогие товарищи, мне пора, а вы пейте и смотрите за соседом, чтобы выпивал рюмку до дна». В моей памяти остался еще один эпизод, связанный с этим же банкетом (я был включен в состав обслуживающего персонала как специалист по питанию). Леониду Ильичу налили в рюмку водку, специально в честь его приезда выпущенную, настоенную на реликтовых травах, произрастающих во всемирно известном заповеднике Беловежская пушча (от этого названия в то время родился новый бренд «Беловежская водка», который хорошо известен и в настоящее время). Брежнев поднял бокал и спросил у стоящего рядом с ним первого секретаря ЦК компартии Беларуси П.М. Машерова: «А чем мне эту новую, в честь меня созданную водку

¹ Правильно – хунвэйбины («красные охранники»), отряды которых созданы в 1966 году в Китае во время «культурной революции».

закусить?» Не растерявшись, Петр Миронович сказал: «Конечно же, белорусским драником». На большом праздничном столе было великое множество яств, среди них дары белорусских рек и озер и охотничьи трофеи всех белорусских лесов, а вот драников белорусских на этом обильном столе не было. И тогда главный шеф-повар, а в то время им был Георгий Иванович Кукарека, стрелой метнулся на кухню, в течение нескольких минут из лежащих на столе двух картофелин приготовил три драника и на дымящейся сковородке поднес их дорогому гостю. Когда Леонид Ильич проглотил сдобренный сметаной первый драник, который как-то незаметно целиком проскользнул в его желудок так быстро, что ему даже не пришлось жевать, что очень удивило Брежнева, он потянулся за вторым драником и спросил:

– А что это за такая приятная и вкусная закуска?

– Белорусский драник, – объяснил ему сидевший рядом П.М. Машеров.

– А кто же это такое вкусное чудо приготовил? – задал вопрос Брежнев. И тогда прямо к Леониду Ильичу подвели в конец растерявшегося Г.И. Кукареку. Генсек внимательно посмотрел на него и произнес неожиданно для всех: «Наградить орденом Трудового Красного Знамени».

Многие из присутствующих решили, что это шутка, но через месяц мы, свидетели этого события, поздравили Георгия Ивановича с высокой наградой. Я был приобщен к «замачиванию» этого ордена как участник этого необычного на-

граждения, которое осталось в моей памяти как удивительный пример доброты и необычной широты русской души, которые порождает застолье, даже у великих и сильных мира сего, что соответствует общеизвестному выражению: «Чего же только по пьянке не бывает». Как видите, поданные в качестве закуски драники расслабили щедрую душу Л.И. Брежнева, и легли в самую точку. Нет, никак не может советский человек без закуски выпивать.

В начале 1970-х годов Брежневу предложили ввести «сухой закон» в стране в связи с повальным пьянством советского народа. Леонид Ильич ответил отказом, заявив: «Нет, мы на это не пойдем. Нашему советскому человеку без водки никак нельзя». После смерти Брежнева у руля коммунистической партии и страны стал Ю.В. Андропов, который сразу же завоевал симпатии советского народа тем, что снизил стоимость водки с 6 рублей до 4 рублей 70 копеек. Именно при нем выпускали самую дешевую водку, которая была названа в народе «Андроповка». Слово «водка» досужие головы расшифровывали как: «Вот он добрый какой». В первые дни своей работы новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев объявил пьянству бой и, к сожалению, проиграл его. Крепкий напиток к этому времени уже прочно стал в Советском Союзе лекарством от всех болезней и эликсиром счастья. В этом крылась сермяжная непоколебимая правда советской «радостной» жизни. Это было единственное утешение от всех проблем обездоленного народа, который не

хотел от него отказываться ни при каких условиях.

Я прошу простить меня, дорогой читатель, что так отклонился от описания персоны моего многоуважаемого коллеги А.Л. Рябова. А дело-то все в том, что он – типичный представитель описанного выше советского народа, точнее той его части, у которой от водки развязывается язык, и ты услышишь о нем такое, чего трезвым он никогда бы не рассказал. Итак, послушаем его.

Рассказ первый. Как я выживал в военных условиях

«Я начал войну, как и многие другие, 22 июня 1941 года в Беларуси. Мне очень повезло – перед началом войны я был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии сразу же после окончания фельдшерского училища в городе Минске. Моя служба проходила в медико-санитарном батальоне, который с первых дней войны занимался эвакуацией раненых. Мне удалось вырваться из крошечного ада на санитарном поезде, который вывозил раненых из охваченной огнем войны Беларуси, и добраться до Москвы. Это был единственный поезд, которому удалось вывезти раненых с поля боя в Беларуси, так как на шестой день войны был захвачен фашистами Минск, а вскоре и вся Беларусь была оккупирована. Благодаря этому составу я избежал верной смерти. Размышления на эту тему однажды натолкнули меня на мысль, что в условиях этой страшной войны это был единственный способ выживания. Думая об этом постоянно, я убеждался в правильности этой мысли, она определила мою дальнейшую стратегию и тактику, направленную на достижение единственной цели – выжить наперекор всему.

Как видите, шеф, я оказался неплохим стратегом. Я сижу перед Вами, пройдя всю войну, живой и невредимый. Я закончил войну в Берлине и за все это время не получил ни

одной царапины».

– Аркадий, – обратился я к нему по-свойски, – тебе просто повезло, что ты не был ранен. Таких людей называют счастливыми, ты один из немногих и скажи спасибо за это Господу, который тебя уберег на этой войне, а орден боевой на твоей груди и множество медалей говорят лично для меня о многом.

Мой собеседник смотрел мне в глаза, а его блуждающая таинственная улыбка в этот момент меня раздражала и была просто не к месту. Почувствовав, видимо, мое настроение, он как бы в продолжение прерванного разговора обратился ко мне:

– Шеф, налейте мне рюмочку. Мне скрывать от Вас нечего. Вы говорите, что мне Бог помог? Помог бы он мне, если бы я сам себе не помог. Никто не уберег бы меня от смерти.

Выпив рюмку и слегка задумавшись, он медленно продолжил свое повествование:

«Так вот, шеф. Тот поезд, первый, с ранеными, который вывез меня из Беларуси, подсказал мне верный путь к спасению. После переформирования наш медико-санитарный батальон был направлен под Сталинград. К этому времени я получил звание старшего лейтенанта медицинской службы. По прибытии к месту дислокации я, чтобы осуществить задуманное, выбрал из десяти приписанных ко мне солдат-санитаров одного, который, по моему мнению, подходил на роль исполнителя моих планов по выживанию. Он был ро-

дом из Татарии и звали его Пахомом. Определяющим критерием моего выбора явились два важных обстоятельства, почерпнутые мною из его личного дела. Во-первых, он всю свою сознательную жизнь проработал конюхом в колхозе. Я понимал, что раз он конюх, значит при лошадях. Думаю, что никто не может лучше конюха знать лошадь. Во-вторых, у него была жена и пятеро детей. Я понимал, что если эти факты объединить в единое целое, то вырисовывается тот спасательный мостик, который поможет мне выжить и уцелеть в этой страшной войне. Я был готов к серьезной беседе с Пахомом. Худой, слегка сутуловатый, небольшого роста, жилистый и крепкий в кости Пахом появился передо мной внезапно. Я, задумавшись, не услышал его легкой походки. Он возник передо мной внезапно. Его глуховатый голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Он стоял передо мной по стойке «смирно», выпрямляя свою сгорбившуюся сутулую фигуру в прямую линию:

– По Вашему приказанию прибыл, – доложил он.

Чтобы разрядить обстановку, я молча кивнул, приглашая сесть со мной рядом. Немножко помолчав для приличия, я по-дружески, неофициально начал с ним беседу:

– Пахом, я тебя пригласил к себе, чтобы выяснить, хочешь ли ты выжить на этой войне? Увидеть своих детей, жену?

Удивленный моими словами, Пахом испуганно смотрел на меня, не понимая смысла сказанных мною слов. Я, пристально глядя в его глаза, повторил вопрос.

– А кто же, товарищ старший лейтенант, не хочет вернуться домой к жене и детям, – полувопросительно ответил он мне, не отводя своих глаз в сторону. Он смотрел на меня с удивлением, пытаясь прочесть в моих глазах скрытый смысл моих слов. Не найдя ответа на свои мысли, он прямо спросил у меня:

– А что для этого надо сделать?

Его голос перешел на шепот, словно он не верил в то, что я ему сказал, понимая, что затеянный мною разговор не должен быть никем услышан, и что он касается только нас двоих.

Я понял его душевные переживания и продолжил разговор.

– Хорошо, Пахом, что ты задал мне этот вопрос. Всегда помни одно, что я твой Бог и спаситель, если будешь слушаться меня и делать все, что я скажу, то вернешься домой живым и здоровым. Ну так что, согласен?

Он молча кивнул головой, преданно глядя мне в глаза, словно надеясь в них прочесть свое спасение в этой войне.

– Так вот, Пахом, главное для меня, что ты согласен, а сейчас слушай внимательно и запоминай, задание я тебе даю нехитрое и не очень для тебя сложное. Ты ведь в лошадях разбираешься?

Услышав слово «лошадь», он как бы воспрянул духом, его глаза ожили, потеплели, и он стал совсем другим.

– Товарищ старший лейтенант, поймите, ведь лошадь для меня почти то же самое, что и вся моя жизнь. Она всегда

была и будет для меня самым надежным другом на свете. Вы не смейтесь надо мной. Она ведь только что не говорит, но все понимает, и я ее понимаю. То, что может лошадь, то не может никто. Лошадь никогда не подведет и не обманет. Доверься ей, стань ее добрым другом и она тебя спасет в трудную минуту.

Воспоминания о лошадях преобразили Пахома, сделали его лицо красивым и одухотворенным, его глаза засияли особым светом, а лицо стало по-детски счастливым. Увидев такое превращение Пахома, я понял, что в своем выборе не ошибся. Продолжая дальше разговор с ним, я сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.